

ЭМИН М.

Посвящается маме

ТЕАТР НА МАЛОЙ ВИШНЕВОЙ

Драма

1

Уютная комната с большим окном, шкафом, диваном и двумя креслами, с дверью в спальную часть. Утро. Входит Новинская. Ее небольшой чемодан уже стоит в комнате.

СТАНИСЛАВИН (*здесь и далее только голос*). Как и просили, Елена Леонардовна. Надеюсь, и в этот раз пребывание у нас будет вам приятно. Чуть позже вам подадут кофе. Хотя мы...

НОВИНСКАЯ. Да-да, я знаю, милый мой. Благодарна вам безмерно.

СТАНИСЛАВИН. Ну, отдыхайте.

Новинская подходит к окну и недолго смотрит в него. Затем поворачивается к окну спиной и проходит взглядом по комнате.

НОВИНСКАЯ. Ничего не изменилось: минимализм и чистота. Точно, минимализм и чистота. (*Подходит к невысокому шкафу, проводит пальцем по верхней кромке, смотрит на палец.*) Ну вот, ни пылинки! Все на уровне! А за Наташей моей надо по пятам ходить – вечно оставит пыль где-нибудь... Ну что ж, мой милый шкаф, хранитель моих секретов, будем общаться с тобой. Ну а с кем еще?! (*Плюхается в кресло напротив шкафа. Потягивается.*) Боже, как будто не было этих пяти лет! Кто бы мог представить, что вновь окажусь здесь?! Спрашиваешь, что я делала все это время? Сыграла две премьеры, пробовала преподавать... И вроде бы студенты меня любили, но учитель из меня тот еще! И потом, я, конечно, привыкла к несвободе – такова доля наша актерская, но что бы тАААк?! У них там, видишь ли, программа, шаг влево, шаг вправо – расстрел! Да-а, а ты как думал?! Как ответственный человек я проработала аж два семестра и сделала деткам ручкой... (*Возвращается к окну.*) Театр! Бедный мой театр! Что же с тобой будет?! (*Смотрит на шкаф. Обращаясь к шкафу.*) Тебе не понять, стоишь тут и стоишь. И если сколочен на славу, простоишь еще кучу лет, и ничегошеньки в жизни твоей не поменяется. Ты и при коммунистах шкаф, и при нынешних тоже. А я, видишь ли, не молодею... (*Опять смотрит в окно.*) Надо же, театр ровехонько напротив. А в этом есть что-то символическое...

В палату тихо входит Рубахин. В одной руке у него букетик цветов, в другой чашечка кофе.

НОВИНСКАЯ (*продолжая смотреть в окно*). В сущности хороший артист всегда немного...

РУБАХИН (*улыбаясь*). Докатились, разговариваете сами с собой?!

НОВИНСКАЯ. Если бы с собой?! Все гораздо хуже. (*Смеется.*) Володя, вы ли?! Как вы меня нашли?!

РУБАХИН (ставя чашку на журнальный столик). Я. Мир не без добрых людей. (Вручает цветы. Обнимает Новинскую.) Думал, не узнаете. Шутка ли, столько лет прошло?!

НОВИНСКАЯ. Какой вы стали!

РУБАХИН (игриво). Какой?

НОВИНСКАЯ. Импозантный.

РУБАХИН. Так говорят мужчине, когда он слегка располнел?

НОВИНСКАЯ. Нет-нет, вам идет. Все дело в том, что я привыкла видеть вас здесь одетым иначе. Так значит вы не...?

РУБАХИН (смеется). Нет, конечно, я с этим отЭлем завязал. (Смотрит на висящую на стене репродукцию «Черного квадрата» Малевича.) Никогда не понимал этого.

НОВИНСКАЯ. Не понимали Малевича?

РУБАХИН. К чему картина здесь.

Новинская бросает взгляд на цветы.

НОВИНСКАЯ. Значит, вы ко мне.

РУБАХИН. Ну, разумеется к вам, прекрасная Елена, ну не к Станиславину же?! Пейте кофе – остынет. Вам повезло, мне тут подавали исключительно чай, да и тот травяной. Ну-с, рассказывайте, что у вас нового. Опять не занимают?

НОВИНСКАЯ. Отчего же?! Вот репетируем Чехова.

РУБАХИН. Что именно?

НОВИНСКАЯ. «Сад».

РУБАХИН. Представляю себе заголовок рецензии: «Вишневый сад на Вишневой улице»?! (Смеется.) Пошлость какая!

НОВИНСКАЯ. Ничего смешного. Я давно мечтала играть Раневскую...

РУБАХИН. Знаю, но... Не поздновато ли?

НОВИНСКАЯ. Вы несколько не изменились, Володя, такой же бестактный циник. Впрочем, я и сама частенько попадаю впросак.

РУБАХИН. Простите... Я ведь, Елена Леонардовна последние пять лет в столице: бизнес завел. Вначале мелкий: куртки возили из Султаната, потом мебелью мягкой занимался. Вот наскучила коммерция, хочу совместить ее с чем-то более интересным. Вам, кстати, диван не нужен? Могу подарить.

НОВИНСКАЯ. Я бы приняла у вас этот подарок с удовольствием, только вот поставить его некуда, квартира у меня тесная.

РУБАХИН (смеется). Как же вы живете без дивана?!

НОВИНСКАЯ. А домой вернулись, стало быть, отдохнуть от дел?

РУБАХИН. И отдохнуть тоже. Хочу вот вернуться насовсем – дома и стены, как известно, помогают. Да и таких покорителей в столице тьма тьмушая. Оттуда ведь в наше время выбраться живым – уже удача. А я еще и денег заработал. Вы ведь тоже могли давно уже в Москве играть или на Обетованную податься...

НОВИНСКАЯ. Володенька, голубчик, кому я там нужна?!

РУБАХИН. Ну а я тем паче. Как я вам в роли будущего местного ресторатора? Хочу кухню нашу русскую народу вернуть, а то попривыкали к этим американским штучкам...

НОВИНСКАЯ (отрешенно). Так вот почему вы тогда не пришли на премьеру?! Значит, теперь вы не журналист, пишущий о культуре, а этот, как его, новый русский...

РУБАХИН. Да все завертелось очень неожиданно... Но не смущайте меня, какой я новый русский?!... А кто «Сад»-то ставит? Сафин?

НОВИНСКАЯ. Да, после «Бульвара» мы сделали еще пару работ. Вы ведь помните «Бульвар»?

РУБАХИН. Еще бы! Я неумело зачитывал реплики Джо, а вы гениально играли свою партию. А как вы стреляли в меня из игрушечного пистолета своего внука! Всякий раз я умирал, но больше от смеха. Не мог просечь трагичность момента. Мне образ Нормы казался комичным до пошлости. А закончилось все тем, что я написал вам пьесу.

НОВИНСКАЯ. Да... Я прочла... И очень хотела бы в ней сыграть, но... Было как-то... И я не совсем почувствовала свой образ... Я даже пыталась вам звонить, но вы так неразборчиво написали свой номер... *(Роется в сумочке.)* Да где же это?!... А, вот, ну посмотрите, как курица лапой, ей-богу... *(Смущена, не смотрит на Рубахина.)*

РУБАХИН *(пытаясь сгладить неловкость).* Бросьте, куда мне с моим рылом да в драматурги *(смеется).*

НОВИНСКАЯ. Ну, отчего же, вы даровиты... Помнится, ваша рецензия на «Клеопатру» наделала в свое время много шума.

РУБАХИН. Кому нужны нынче критики? Мастера панегириков в наше время в большой цене.

НОВИНСКАЯ. Нет-нет, не соглашусь с вами, друг мой. И вообще, вы же напишете мне что-нибудь... попроще?!...

РУБАХИН. Попроще?!

НОВИНСКАЯ. Я хотела сказать... *(Резко встает.)* Помогите мне!

РУБАХИН. Я готов! Но чем?

НОВИНСКАЯ. Порепетируйте со мной «Сад». Вы ведь знаете пьесу?! Я никак не могу нащупать свою героиню. Помогите мне, Володя.

РУБАХИН. Я?

НОВИНСКАЯ. Ну да, вы же разбираетесь в этом. Помнится, вы называли себя «дитя театра» и даже пытались мне об этом что-то рассказать...

РУБАХИН. Пытался, но вы, Елена Леонардовна, как бы это выразиться, не из тех, кто умеет слышать, – водится за вами такой грешок.

НОВИНСКАЯ *(недоуменно).* Правда?!

РУБАХИН. Я сын Антонины.

НОВИНСКАЯ. Антонины, Антонины...

РУБАХИН. Антонины Москвиной.

НОВИНСКАЯ. Да, была у нас такая актриса Тоня Москвина. Рано ушла, царствие ей небесное.

РУБАХИН. Карьеры не сделала, званий не получила.

НОВИНСКАЯ. Ну почему же, она была очень даже... Не успела просто. Как же назывался этот спектакль?!...

РУБАХИН. Я очень любил ее. Отец постарался сделать для меня все, но отец – это отец...

НОВИНСКАЯ. Бедный мой мальчик.

РУБАХИН. Ревновал маму к сцене, к ее работе... Мне ее жутко не хватало, даже тогда, когда она была еще жива: вечно репетиции, зубрежка текста.... А помните меня маленьким? *(Новинская делает удивленное лицо.)* Я ведь выходил ребенком в «Электре». И всякий раз за кулисами вы угощали меня большой шоколадной конфетой со словами: «Держи, маленький артист!»... Артист...

НОВИНСКАЯ *(удивленно).* Очень смутно... Да, припоминаю, мальчишка был чем-то похож на моего сына, только светлее – поэтому и приметил. Так это были вы!

РУБАХИН *(берет руку Новинской в свои ладони, нежно целует ее.)* Я воображал, что у меня две мамы. *(Подходит к окну.)* Смешно. Наивно и смешно.

НОВИНСКАЯ. Бедный мальчик, я даже и подумать не могла...

РУБАХИН. А знаете, «Вишневым сад» был первой пьесой, которую я читал. Ну, как читал? Не очень бегло второклассник осилил первое действие, ни черта не понял и долго еще к этой книге не возвращался. Кстати, она у меня сохранилась где-то...

НОВИНСКАЯ. А я прочла «Сад» впервые в поезде, который вез нас в Ташкент, в эвакуацию. Я была, конечно, значительно старше вас – второклассника, и казалось, что я все поняла. Но только казалось. Мне ведь, Володенька, повезло безмерно: войну встретила в Москве: дед справлял юбилей. А могла бы у себя на родине, под Минском, да. И вот в поезде этом, в этой трясушке, духоте и тревожности я решила, что когда-нибудь непременно сыграю в этой пьесе. Нет-нет, я не примеряла на себя Раневскую, тогда я видела себя только Аней. Помните, «... мы насадим новый сад, роскошнее этого...». Книжка та, правда, не сохранилась, лет-то сколько прошло – жизнь целая?!

РУБАХИН. А потом?

НОВИНСКАЯ. Потом... Актеры ведь, друг мой, люди подневольные... Потом начинающей актрисе условия ставили режиссеры, потом была оттепель... и Антонов... А-аа... *(Отмахивается.)*

РУБАХИН. Значит, мечты сбываются – будете играть Раневскую!

НОВИНСКАЯ. Если театр не заколотят.

РУБАХИН. В смысле?!

НОВИНСКАЯ. Управление культуры решило нас закрыть с нового сезона. Но я в это не верю! Решительно не верю!

РУБАХИН. Надо навести справки.

НОВИНСКАЯ. Конечно, мы давно забыли, что такое аншлаги. Ползала соберется – мы и рады. Но ведь нельзя вот так перечеркнуть полувековую историю! Вы же знаете, КАКИЕ актеры выходили на эту сцену?!

РУБАХИН. Все так серьезно?

НОВИНСКАЯ. Поговаривают, что здание пойдет с молотка. Ничего святого не осталось в людях!

РУБАХИН *(задумчиво).* Вот как?! Интересно, очень интересно. *(Возвращается к дивану и присаживается.)* И где в таком случае вы будете играть Раневскую, Елена Леонардовна?

НОВИНСКАЯ. В Театре на Малой Вишневой, где же еще?! Или вы всерьез думаете, что с ним все кончено?!

РУБАХИН *(улыбаясь).* Будем верить в лучшее. Так чем же я могу помочь вам?

НОВИНСКАЯ. Порепетируйте со мной. Вы же знаете, что я не могу делать это одна перед зеркалом. Коллеги в разъездах, Сафин снимает что-то в полях...

РУБАХИН. Ну, у вас не самый сложный случай. Представьте себе, что Ростропович, как оказалось, уже много лет не смотрит в зеркало вообще!

НОВИНСКАЯ. Голубчик, а как же он ухаживает за лицом?

РУБАХИН. Вот! Был недавно на творческой встрече с ним и задал ему тот же вопрос.

НОВИНСКАЯ *(заинтересованно).* Ну, ну, и?

РУБАХИН. По памяти, говорит. Порылся в книгах: действительно, есть-таки у нас такая память, мышечная.

НОВИНСКАЯ. Мне это не поможет.

РУБАХИН. Вам нет... Ну что же, насколько я помню пьесу, слов у Раневской не много. Может, вам нужно передохнуть с дороги?...

НОВИНСКАЯ. Какая тут дорога, Володенька?! К черту отдых, успеется! *(Передаст Рубахину текст.)* Вот отсюда давайте попробуем. Я там все отметила, вы поймете.

*Пауза. Новинская сосредотачивается.
Затем движением головы призывает Рубахина начинать.*

РУБАХИН (словами Лопехина). Какие у вас грехи...

НОВИНСКАЯ (словами Раневской). О, мои грехи... Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского, – он страшно пил, – и, на несчастье, я полюбила другого, сошлась, и как раз в это время, – это было первое наказание, удар прямо в голову, – вот тут на реке... утонул мой мальчик, и я уехала за границу, совсем уехала, чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой реки... Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а он за мной... безжалостно, грубо. Купила я дачу возле Ментоны, так как он заболел там, и три года я не знала отдыха ни днем, ни ночью; больной измучил меня, душа моя высохла. А в прошлом году, когда дачу продали за долги, я уехала в Париж, и там он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно... И потянуло вдруг в Россию, на родину, к девочке моей... (Утирает слезы.) Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! (Достает из кармана телеграмму.) Получила сегодня из Парижа... Просит прощения, умоляет вернуться... (Вет телеграмму.) Словно где-то музыка (прислушивается).

РУБАХИН (словами Лопехина). Не слышать... (Тихо напевает.) «И за деньги русака немцы офранцузят». (Смеется.) Какую я вчера пьесу смотрел в театре, очень смешно.

НОВИНСКАЯ (словами Раневской). И, наверное, ничего нет смешного. Вам не пьесы смотреть, а смотреть бы почаще на самих себя. Как вы все серо живете, как много говорите ненужного.

РУБАХИН (посматривая в текст, словами Лопехина). Это правда. Надо прямо говорить, жизнь у нас дурацкая... Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил спяна, и все палкой. В сущности, и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался, почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья.

НОВИНСКАЯ (словами Раневской). Жениться вам нужно, мой друг.

РУБАХИН (словами Лопехина). Да... Это правда.

НОВИНСКАЯ (словами Раневской). На нашей бы Варе. Она хорошая девушка.

РУБАХИН (словами Лопехина). Да.

НОВИНСКАЯ (словами Раневской). Она у меня из простых, работает целый день, а главное, вас любит. Да и вам-то давно нравится.

РУБАХИН (словами Лопехина). Что же? Я не прочь... Она хорошая девушка.

Пауза. Рубахин кладет текст на столик.

НОВИНСКАЯ. Ну?

РУБАХИН. По-моему, очень даже здорово! Быть может, чуть приглушенно... Нет?

НОВИНСКАЯ (задумывается). Пожалуй... Спасибо, Володенька. Вы ведь не спешите? (Рубахин улыбается.) Он любит ее?

РУБАХИН. Лопехин Варю?

НОВИНСКАЯ. Раневскую.

РУБАХИН. Без сомнений.

НОВИНСКАЯ. А мне, как мне относиться к нему?... (Рубахин задумывается.) И потом, этот вечный спор: как играть «Сад»? Что это, драма ли, комедия?

РУБАХИН. Автор четко указал. Вот тут...

НОВИНСКАЯ. Да-да, но все же...

РУБАХИН. По мне, гениальная пьеса не может иметь жанрового определения. Ее читает режиссер, он же ставит задачу актерам, а что попадает на стол ко зрителю – дело третье.

НОВИНСКАЯ. Слушайте, да вы лучше меня знаете с десяток гениальных пьес, жанр которых вполне себе определен. Побойтесь бога, голубчик, как же быть с Сенкой, Шекспиром, Гоголем, наконец?!

РУБАХИН. Хорошо-хорошо, сформулирую точнее: современная пьеса не может...

НОВИНСКАЯ. О, да!... Тут и я, пожалуй, встану с вами в один строй. Надо полагать, вы считаете Чехова нашим современником?

РУБАХИН. В сравнении в Софоклом, дорогая Елена Леонардовна...

НОВИНСКАЯ (*смеется*). Ой, хитрец.

РУБАХИН. А что наш вновь испеченный «гений режиссуры» думает об этом?

НОВИНСКАЯ. Сафин? Кстати, как он вам?

РУБАХИН. Все, что я видел, было весьма недурно. Говорят, и «Бульвар» имел большой успех?!

НОВИНСКАЯ. И все же? Вы ведь не в восторге от того, что «Сад» ставит именно он?

РУБАХИН. Не то что бы не в восторге... Понимаете, Елена Леонардовна, я делю режиссеров на два больших лагеря. Одни мастерски работают с формой – вспомните, как невозможно было попасть к Любимову на Таганку... Кстати, ваш Сафин из их числа.

НОВИНСКАЯ. Другие?

РУБАХИН. Другие работают с образом, с актером, и тоже мастерски. Вы же играли у Эфроса... Но есть еще и гениальные режиссеры, которым удается делать и то, и другое.

НОВИНСКАЯ. Пример.

РУБАХИН. Марк Захаров.

НОВИНСКАЯ. То есть «МОЙ» Сафин...

РУБАХИН. Мастер. А для Чехова нужен гений! Понимаете, гений!

НОВИНСКАЯ (*улыбаясь*). Голубчик, если бы Чехова ставили только гении, мир бы его, как драматурга, так бы и не узнал!... Главное, Сафин сформулировал свое видение: минимализм и чистота. Он имеет в виду, что образы должны быть зеркальны, идентичны чеховскому замыслу... Знать бы наверняка этот самый замысел.

РУБАХИН. А Антонов смог бы поставить?

НОВИНСКАЯ (*задумчиво*). Антонов?... Нет, конечно. Какой он режиссер? Драматург? Да! Сценарист? Да! Звезда стиличная... Поговаривают, что его последняя работа в кино выдвинута на «Оскар». Признаться, он никогда не видел во мне актрису. Любонницу видел... (*Рубахин улыбается.*) Да, я была очень даже...

РУБАХИН. Вы и сейчас хороши!

НОВИНСКАЯ. Сейчас. Сейчас, Володенька, вы говорите это приличия ради... Не возражайте!... У нас был бурный роман... Плотский... и творческий. Он многое мне дал в профессии. Семью не оставил, нет, и правильно сделал! Когда я поняла, что беременна, он повел себя как настоящий мужчина. Для него я мать его сына, бабушка его внуков, но не актриса... Так что, дружище, я ведь и стала примой, так сказать, вопреки... (*Встает, подходит к окну, какое-то время смотрит в него.*) Нет, Антонов нам не помощник! Шут с ними, с режиссерами. Мне бы свою Раневскую нащупать. Что вы о ней думаете, Владимир, что она такое?

РУБАХИН. Тетка... без возраста, не чувствующая, не понимающая времени, в котором живет... Порочная и святая одновременно. Течение выбрасывает ее на берег жизни.

НОВИНСКАЯ. Все-таки без возраста. А кто-то утверждал?!...

РУБАХИН (*смеется*). Ну не настолько же?!

НОВИНСКАЯ. Вы страшный наглец, и я вас поколочу.

РУБАХИН. Не получилось выстрелом, пойдете врукопашную?...

НОВИНСКАЯ (*смеется*). Нет, я предпочитаю классические формы – дуэль так дуэль!

РУБАХИН. Тогда на этот раз выстрел за мной!

Затемнение.

2

Та же комната. Те же действующие лица. Несколькими днями позже.

РУБАХИН. Да не расстраивайтесь вы так! Это было неизбежно.

НОВИНСКАЯ. Когда аукцион?

РУБАХИН. Через два дня.

НОВИНСКАЯ. Что говорят, много ли желающих?

РУБАХИН. Не много. Серьезных, по мне, и вовсе нет.

НОВИНСКАЯ. Значит, быть театру!

РУБАХИН. Вы меня не слышите или не хотите слышать?! Управление культуры уже приняло решение. Даже если торги не состоятся, театра больше нет, его деятельность прекращена. Велюрова уже переводят в мэрию. Вы бы лучше выяснили, что они придумали на ваш счет.

НОВИНСКАЯ. Я?! Сама буду звонить?! Им?! Вы в своем уме, Владимир?!

РУБАХИН. Что вы собираетесь делать?

НОВИНСКАЯ. Репетировать, что еще должна делать настоящая актриса!

РУБАХИН (*берет трубку в руки*). Мне узнать, куда вас перевели? Могу похлопотать за вас. У меня там есть...

НОВИНСКАЯ. Да бог с вами, голубчик! Этого еще не хватало! «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат, и сами всё дадут». Помните?

РУБАХИН. Вы то ли оптимистка, то ли, уж извините, реально умом тронулись.

Новинская встает и несколько нервно перемещается по комнате.

НОВИНСКАЯ. В сущности, все это началось давно. Арбенин уехал в столицу. Удачно уехал. Эпельбаум на юг, как и положено. Но даже не в этом дело... Зритель... Те, что половчее, поняли, что на периферии им делать нечего. Вот даже вы пять лет отсутствовали.

РУБАХИН. Я вернулся.

НОВИНСКАЯ. Вы да, а сколько народу взяли билет в один конец?! Не сосчитать! Зрителя нет... А что театр без зрителя – стены! Декорированные стены. Начал было Балаганов наш делать удобоваримые спектакли, пошел в народ, так сказать. Пару спектаклей были на уровне. Зритель повалил, аншлаги... Но кассу это не спасало, как ни странно, – то густо, то пусто. Государство... Оно что есть, что нет.

РУБАХИН. А хозяина нет...

НОВИНСКАЯ. Велюров, как стал директором, давай раздавать пристройки направо-налево! Остались без мастерских – отдал под чьи-то склады, потом без малого зала, потом помещение кассы в аренду ушло. Так если бы это спасло!

РУБАХИН. Что вы ждали от Велюрова?! Он же дачник. Обыкновенный дачник.

НОВИНСКАЯ. Дачник?! Не поняла.

РУБАХИН. Ну вот, а еще Чехова играть собрались! Ну-ка... (*берет текст пьесы с журнального столика, листает*) ну вот же в четвертом действии: «... не размахивай руками! Отвыкни от этой привычки. И то же вот строить дачи, рассчитывать, что из дачников со временем выйдут отдельные хозяева, рассчитывать так – это тоже значит размахивать...». Это Петя говорит Лопухину. По-моему, гениальное место!

НОВИНСКАЯ (*отрешенно*). Гениальное...

РУБАХИН. Так что Велюров – функционер, и функционер слабый. Ну хорошо, а вы, артисты, что вы-то пытались сделать?

НОВИНСКАЯ. А разве что-то было в наших силах?! Мне всегда были смешны эти перестроечные лозунги: «Ускоримся!», «Давайте работать лучше!» Я что, до Меченого работала хуже?!

РУБАХИН. Дело не в этом.

НОВИНСКАЯ. А в чем, помилуйте?! В чем?! Вот вы, что бы сделали вы?!

РУБАХИН. Сократил бы полтруппы к чертям! Добился бы возможности повысить зарплату оставшимся, часть высвободившихся средств вложил бы в творческий процесс. Со зрителем бы поработал, узнал бы, чем он дышит, зритель-то нынешний. Пристройки сломал бы.

НОВИНСКАЯ. А это зачем?!

РУБАХИН. Они ветхие, ремонтировать дороже, чем построить заново. Сейчас и материалы есть современные, да и технологии, так что было бы быстро и недорого. Да много чего можно было бы сделать, будь у меня полномочия хозяина, а не администратора. Но... Это бы ничего не решило...

НОВИНСКАЯ. Вы морочите мне голову?

РУБАХИН. Нет, конечно. Вы же сами понимаете, уж очень много театров на один наш город, и очень мало зрителей. Заводы, производства вокруг. Люди работают много, социальных зашит поубавилось, а то их и вовсе нет. На хлеб бы заработать – не до театра, не до Сары Бернар. Да и в театре все непросто... Вы привыкли к тому, что все по разрядке. Отсутствие особого выбора и гарантированно полный зал.

НОВИНСКАЯ. Мы играли, как боги!

РУБАХИН. Да вы и сейчас играете, как боги, жизнь ушла вперед. Никто не спускает сверху репертуар: столько-то отечественных пьес на сезон, из них столько-то производственной тематики, пару классических спектаклей, ну и детских тоже пару. Господи, кому я это рассказываю?!

НОВИНСКАЯ. Я и тогда не могла особо выбирать себе роли, и сейчас. Что в таком случае изменилось?

РУБАХИН. Да, но причины-то разные. А вы этого не хотите видеть. Умом понимаете, где-то там в подкорке, но принять этого не желаете. Вы, как ваша героиня (*небрежно швыряет текст обратно на столик*), живете в своем мире, полагая, что жизнь статична, что завтра будет непременно то же, что и вчера. Вы уперлись вот в это (*указывает на репродукцию*), в этот черный квадрат, и не видите дальше. Вы, как и ваш любимый Чехов, ставите точку, я же призываю вас к многоточию, хотя бы к многоточию. Чехову простительно, у него не было будущего, но вы-то куда?!

НОВИНСКАЯ. Мне поздно что-то менять, Владимир! Я натура уходящая.

РУБАХИН. Ой-ли?! Поэтому собираетесь играть помещицу под сорок?! Нет, дело не в возрасте. Вы действительно Раневская наших дней!

НОВИНСКАЯ. «Тетка, которую выбрасывает на берег жизни»?!

РУБАХИН. Да послушайте вы, дорогая моя Елена Леонардовна, мир изменился, место театра в нем изменилось, никому не интересны ваши прошлые заслуги и звания, и не играть вам Раневскую в этом театре, нет больше театра на Вишневой! Нет!

Новинская хватается за голову. Ее начинает трясти.

РУБАХИН. Доктор! Доктор! Скорее сюда!

СТАНИСЛАВИН. Ну, я же предупреждал, что ее нельзя нервировать. Уходите, немедленно уходите.

Затемнение.

Там же. Кресло стоит посредине сцены. В нем сидит Новинская. Тело расслаблено. Глаза закрыты.

СТАНИСЛАВИН. Ну вот, сегодня мы поработали с вами на славу. А теперь представьте себе: утро, уже взошло солнышко, дует прохладный ветерок начала лета. Вы чувствуете, как он касается вашего лба. Перед вами сад, он в цвету. Воздух свеж, поют скворцы. Сделайте глубокий вдох и медленный выдох. Чувствуете свежесть? Пахнет пачулями...

НОВИНСКАЯ (словами Раневской). О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. Весь, весь белый! О, сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое! (Слегка привстает.) Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! Это она.

СТАНИСЛАВИН. Стооп! (Новинская возвращается в расслабленное положение.) Сейчас я начну обратный отсчет, и на слове «один» вы откроете глаза... Пять, четыре, три, два... Один!

Новинская открывает глаза.

НОВИНСКАЯ. Доктор, Владимир подъехал?

СТАНИСЛАВИН. Да, я просил его подождать.

НОВИНСКАЯ. Можно будет ему пройти?

СТАНИСЛАВИН. Если вы гарантируете мне, что все будет в порядке.

Новинская одобрительно кивает головой.

СТАНИСЛАВИН. Ну, тогда извольте.

Входит Рубахин.

РУБАХИН. Злитесь на меня.

НОВИНСКАЯ. Нет, дружище, кто-то должен и правду говорить.

РУБАХИН. Выглядите лучше.

НОВИНСКАЯ. Мне сообщили, что сегодня решится судьба здания театра. Вы в курсе?

РУБАХИН. Да, мне обещали дать знать.

НОВИНСКАЯ. Послушайте, давно хотела у вас спросить, как вы себя чувствуете?

РУБАХИН. Отменно.

НОВИНСКАЯ. Слава Всевышнему. Я к тому...

РУБАХИН. Вы хотите спросить, почему я прихожу сюда посетителем?

НОВИНСКАЯ. Да, уж простите меня.

РУБАХИН. Научился справляться со своими паническими атаками. А вы, судя по всему, нет.

НОВИНСКАЯ. Без Станиславина?!

РУБАХИН. В какой-то момент эта клиника была для меня слишком дорогим удовольствием, а потом я понял, что нужно как-то действовать самому. Ведь то, что делает с нами Станиславин, мы вполне можем делать самостоятельно.

НОВИНСКАЯ. Но зачем? Разве что экономии ради...

РУБАХИН *(после паузы)*. Ну... хотя бы...

НОВИНСКАЯ. Мне все оплачивает сын, если бы не он, я бы давно сошла с ума.

РУБАХИН. Вы довольны им?

НОВИНСКАЯ. Вполне. Имею основания им гордиться: он состоялся в профессии, дал мне прекрасных внуков... Конечно, я хотела бы видеть их чаще... У каждого из них своя жизнь, и это нормально... Ну да, да, да, я чувствую себя одиноко. Вы ведь к этому клоните?!... Кресло, теплый плед зимой, книжка под свет торшера – вот мой сегодняшний мирок. Вот, дивана и того не завела. Может быть, отсутствие ролей поэтому так болезненно на меня действует? Вот такая я, одинокая и зависимая... Да и актриса я так себе, по всей видимости.

РУБАХИН. Кокетничаете?

НОВИНСКАЯ. Великие актеры попадали в психушку от ролей, я – от их отсутствия.

РУБАХИН. Мы не в психушке...

НОВИНСКАЯ. Ну, знаете, как хрен ни назови...

РУБАХИН *(после небольшой паузы)*. Вероятно, самое страшное в жизни – одиночество и несвобода...но...если кто-то пришел и говорит вам об этом, то вы уже не одиноки.

НОВИНСКАЯ. Володенька...

РУБАХИН. Дело за свободой... Понимаете, я понял в какой-то момент вот что: Станиславин, он как пилюля, привыкнуть к которой легко и опасно. Весь его гипноз – игра! Тех же целей можно достичь самому, если войти в аутогенное состояние. *(Подражая Станиславину.)* «Вы чувствуете, как ваши руки наливаются теплом», «Ваши ноги тяжелеют». Не понимаете?! *(Несколько раздраженно.)* Да наше тело и без Станиславина теплое и тяжелое.

НОВИНСКАЯ. Ну, ну...?

РУБАХИН. Не надо вызывать искусственно какие-то состояния, достаточно сосредоточиться на данном нам от природы тепле и ею же данной тяжести. Этого почти достаточно, чтобы дальше работать с самим собой не хуже этого эскулапа.

НОВИНСКАЯ. Голубчик, но ведь это же страшно.

РУБАХИН. Не больше, чем завтрашний день... *(Встает, подходит к стене, на которой висит картина.)* И потом он идиот, наш доктор, вы не находите?

НОВИНСКАЯ. Помилуйте, Володенька...

РУБАХИН. Повесить в палате клиники неврозов репродукцию «Черного квадрата»... *(бормочет себе под нос)*... А может быть, и не идиот... *(громче)* Он все еще позволяет вам пить кофе?

НОВИНСКАЯ. Да, он так любезен. Далась вам эта картина...

РУБАХИН. А мне не разрешал. Тогда. *(Себе под нос.)* Сейчас бы и мне позволил.

НОВИНСКАЯ. Так значит сегодня театр пойдет с молотка. Может статься, что судьба его уже решена. Который час?... Впрочем, какая разница. Вам ведь позвонят?

РУБАХИН. Да, труба при мне. Нам бы с вами пройти сцену с Трофимовым, у вас там слабо.

НОВИНСКАЯ. А смысл?!

РУБАХИН. В нашем городе еще три театра. Без работы не останетесь.

НОВИНСКАЯ. В нашем городе – да, моего больше не будет... Может быть... позвоните сами?

РУБАХИН *(после паузы, словами Трофимова)*. Продано ли сегодня имение или не продано – не все ли равно? С ним давно уже покончено, нет поворота назад, выросла дорожка. Успокойтесь, дорогая. *(Помогает Новинской присесть.)* Не надо обманывать себя, надо хоть раз в жизни взглянуть правде прямо в глаза.

НОВИНСКАЯ (словами Раневской). Какой правде? Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу. Вы смело решаете все важные вопросы, но скажите, голубчик, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели перестрадать ни одного вашего вопроса? Вы смело смотрите вперед, и не потому ли, что не видите и не ждете ничего страшного, так как жизнь еще скрыта от ваших молодых глаз? Вы смелее, честнее, глубже нас, но подумайте, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня. Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом... *(Обнимает Трофимова, целует его в лоб.)* Ведь мой сын утонул здесь... *(Плачет.)* Пожалейте меня, хороший, добрый человек.

СТАНИСЛАВИН. Не верю!

РУБАХИН. Подслушивать нехорошо.

СТАНИСЛАВИН. Простите, но Елена Леонардовна была настолько эмоциональна, что не услышать ее было трудно.

Звонит сотовый.

РУБАХИН. Да, да, спасибо, непременно. Позже. Обязательно.

НОВИНСКАЯ. Продан?

РУБАХИН. Да.

НОВИНСКАЯ. Кто купил?

РУБАХИН *(тихо)*. Я.

Новинская опускается в кресло.

НОВИНСКАЯ *(после долгой паузы)*. Что вы намерены делать дальше?

РУБАХИН. Еще несколько дней назад я бы визжал от счастья и уж точно мог бы ответить на ваш вопрос. Я бы сломал пристройки, перестроил бы здание под ресторан с летней террасой, тут же открыл какой-нибудь брендовый бутик. И если вы думаете, что мое сердце защемила бы память, то поверьте, вы ошибаетесь. Я не видел в этих сценах свою мать счастливой. Торчал вечно в театре, хотя с большим удовольствием гонял бы мяч с пацанами. Так они же меня еще и презирали: театральный мальчик, маменькин сынок. Они приходили в этот зал, как на праздник, я – на работу, свою ли, мамину, но на работу. Вечно издерганные нищетой родители... Вот конфеты ваши и сластили мое пыльное закулисье. Но сегодня я вышел из-за кулис, и у меня, представьте себе, тоже есть мечты и цели!

НОВИНСКАЯ. Вы, Володенька, правы, время изменилось. И оно, время это, – ваше! Мы уходим... Но как же не хочется уходить, боже, как же не хочется!

РУБАХИН. Да бросьте, сыграете вы свою Раневскую – еще не вечер!

*Новинская поднимается и медленно движется в сторону спальни комнаты.
Останавливается на полпути.*

НОВИНСКАЯ. Время уходить. Соглашусь, дружище, Раневская мне уже и не по возрасту. И я не разгадала ее...

РУБАХИН. Знаете, что любая актриса, играющая Раневскую, должна решить для себя? Выше она или все-таки ниже любви. В этом ключ!

НОВИНСКАЯ *(продолжая двигаться в сторону двери спальни комнаты)*. Она сама – любовь!

РУБАХИН *(себе под нос)*. Любовь Андреевна.

НОВИНСКАЯ (*разворачиваясь к Рубахину у самой двери*). Я не стану больше репетировать, вы правы: нет смысла, нет сил, быть ниже любви не смогу, быть выше – не смею!

Новинская уходит в спальную комнату.

Затемнение.

4

Та же комната ровно год спустя. Рубахин плюхается в кресло.

РУБАХИН. Фу, жаркое выдалось лето в этом году. Ну что, доктор, как ваша пациентка?

СТАНИСЛАВИН. Лежала у нас зимой. Вот сейчас уже неделю... Настроение стабильное моими стараниями. Готовится к юбилею.

ЛОПАХИН. В стараниях ваших не сомневаюсь. А где она?

СТАНИСЛАВИН. Утром физиотерапия, с минуты на минуту вернется с массажа, поработаю с ней лично, затем обед...

РУБАХИН. Ну, если лично, то я спокоен. С вашего позволения подожду внизу. Тем более пакет для нее у меня остался в фойе.

СТАНИСЛАВИН. Алкоголь ей противопоказан.

РУБАХИН. Не беспокойтесь, доктор, я привык дарить Новинской лишь бумаги.

СТАНИСЛАВИН. Ценные?

РУБАХИН (*смеется*). А это, юморист вы наш, как карта ляжет.

Рубахин удаляется. Пауза. Появляется Новинская. Она в халате. Садится в кресло.

НОВИНСКАЯ. Устала... Сейчас еще Станиславин примется меня мучить. Одно радует, после его сеансов туман в голове рассеивается. (*Берет со стола бумаги, читает вслух.*) «Сценарий творческого вечера, посвященного...»... Бог ты мой!... «...летию Народной артистки...» (*Листает*). Официальные поздравления, выступление губернатора – надо же! – вручение ордена, художественное поздравление молодежи... Скучно... И главное, где?!... Печаль... Не люблю я эти «Творческие вечера». Настоящий театральный актер должен отмечать свои юбилеи на сцене, в работе, в своем любимом деле... (*Подходит к окну.*) на своей родной сцене... (*Смотрит на свой халат.*)...Надо бы переодеться.

СТАНИСЛАВИН. Елена Леонардовна, вы готовы?

НОВИНСКАЯ. Да-да, не стану вас задерживать. Вот только...

Пытается выдвинуть кресло на середину.

СТАНИСЛАВИН. Что вы делаете, тут уже есть кресло?!

НОВИНСКАЯ (*ставя второе рядом*). Это мягче. Я, доктор мой, к своей заднице отношусь если не с любовью, то уж точно с уважением.

СТАНИСЛАВИН. Рад, что чувство юмора вас не покидает. Однако начнем. Как всегда, найдите точку, сфокусируйтесь на ней, сейчас я буду считать от одного до пяти, на счет «пять» вы сделаете глубокий вдох и закроете глаза... Один... Веки тяжелеют и наливаются свинцом... Два...Три...Четыре...Пять! Спать!... Глубже... Тело расслаблено, нервы расслаблены. Почувствуйте, как тяжелеет ваше тело: ноги, руки, спина... Ничего не бойтесь, ни-че-го!... Вы спокойны. Чувствуете тепло рук и ног, легкий ветерок в области лба. Вы погружаетесь в еще более глубокий сон... Сейчас я

просчитаю от одного до трех. На счете «три» вы уснете еще глубже... Один... Два... Три! Спать! Дыхание глубокое и спокойное... Отпустите свои мысли. Вы в полном порядке... Старого театра больше нет. И это не страшно. Скоро осень, ваш юбилей, почитатели вашего таланта придут вас чествовать. Жизнь продолжается... А дурные мысли надо вырубить из своего сознания! Вырубить раз и навсегда!

В дверях появляется Рубахин.

НОВИНСКАЯ (словами Раневской). Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если есть во всей губернии что-нибудь интересное, даже замечательное, так это наш вишневый сад.

Новинская тихо плачет.

РУБАХИН (Станиславиному). Да что вы с ней творите?! Выведите ее из этого состояния, немедленно! Я требую!

Рубахин садится в кресло рядом с Новинской.

СТАНИСЛАВИН. Это не так просто. Вы мешаете нам, уйдите!

РУБАХИН (Станиславиному). Убирайтесь сами! (Берет Новинскую за руку.) Елена Леонардовна, вы меня слышите, это Володя?! Елена Леонардовна!

Рубахин встает. Мечется по комнате.

СТАНИСЛАВИН. При всем уважении, господин Рубахин, мне придется вызвать охрану.

РУБАХИН. Да идите вы к черту! Неужели вы не понимаете, ЧТО может вернуть ее к жизни?!

СТАНИСЛАВИН. Дайте мне возможность работать!

РУБАХИН (присаживается в кресло рядом с Новинской). Елена Леонардовна, не плачьте, я этого не вынесу! (Встает, ходит по комнате, потом возвращается в кресло, далее словами Ани.) Мама! Ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя... я благословляю тебя. (Берет Новинскую за руку.) Вишневый сад продан, его уже нет, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа... Пойдем со мной, пойдём, милая, отсюда, пойдём!... Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама! Пойдем, милая! Пойдем!

Новинская открывает глаза.

НОВИНСКАЯ. Вы?!... Володя... А меня сморило... И вы не поверите, видела вас во сне. Случится же такое: открыла глаза, а вы здесь?!

РУБАХИН. Пойдемте отсюда, вы мне нужны! Сейчас, немедленно!

НОВИНСКАЯ. Но я не здорова, голубчик.

РУБАХИН. Я принес вам два лекарства. Они у меня тут, в пакете (Вытаскивает из пакета тонкую папку с документами.) Помогите мне!

НОВИНСКАЯ. Чем, друг мой?!

РУБАХИН (протягивает папку Новинской). Помогите мне вот в этом!

Новинская смотрит бумаги.

НОВИНСКАЯ. «Чехов-центр»?... Малая Вишневая, 22... Учредитель – Рубахин Владимир Александрович... Художественный руководитель – Новинская Елена... ?! Володенька, что это?!

РУБАХИН. Это именно то, в чем мне очень нужна ваша помощь. Сохранить театр как частный мне не удалось. Репертуарный театр – это сложно, слишком ответственно для меня, да и нерационально. Но, возможно, это и к лучшему... Зал реконструирован слегка, но сохранен. В нем можно проводить мероприятия, в том числе играть спектакли. В одной из пристроек организуем музей театра. Вы же мне можете? (*Новинская улыбаясь кивает головой.*) Будет и ресторан для театральной публики. Кстати, сейчас мы отправимся туда обедать, познакомлю вас с шефом, и он непременно приготовит нам что-нибудь очень вкусное. Но прежде... У меня есть для Вас еще кое-что.

Рубахин вытаскивает из пакета запечатанный конверт и протягивает его Новинской.

НОВИНСКАЯ. Господи, неужели это пьеса?!

РУБАХИН. Ага.

НОВИНСКАЯ. Володенька, вы все-таки написали для меня пьесу.

РУБАХИН (*смеется*). Ну, нет, такого подарка вы еще не заслужили. Да и автор вам требуется... Как бы это сказать?!... Попроще...

Новинская открывает конверт. Достает из него потрепанную старую книжку.

НОВИНСКАЯ (*читает*). Антон Павлович Чехов. «Вишневый сад». Та самая?

Новинская обнимает Рубахина. Слезы текут из ее глаз.

РУБАХИН. Идите отсюда! Сейчас! (*Новинская смотрит на свой халат, Рубахин ловит ее взгляд*)... Вот так! Именно так! Немедленно! Навсегда!

Новинская и Рубахин выходят из комнаты.

Пауза.

Рубахин возвращается в комнату. Снимает со стены репродукцию «Черного квадрата», кидает ее на шкаф и выходит.

Занавес.
